

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНЖИНИРИНГ В ИДЕНТИЧНОСТИ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ СОЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА

У статті розглянуто проблему генезису і становлення соціального інжинірингу. Виявлено зв'язок руху соціального інжинірингу з емансипованою, космополітичною ідентичністю соціального суб'єкта, що глобалізується. Зроблено висновок про те, що історія відкрита у майбутнє для особистостей, для яких свобода стає необхідністю.

Ключові слова: соціальна інженерія, ідентичність.

The problem of genesis and formation of the social engineering is being considered. The connection of the social engineering movement with emancipated cosmopolite identity of the social subject that is globalizes has shown. The conclusion that history opens in the future for persons for which freedom become necessity has made.

Keywords: social engineering, identity.

Постановка проблемы. Современное решение проблемы человека не только указывает на его социально-историческую сущность, но и выделяет особое, человеческое, идентифицирующее отношение, выполняющее функцию отождествления с определенными культурными ценностями. И если под культурой понимать меру человеческого в человеке, то становится понятным конфликт «универсалистской» и «партикуляристской» тенденций в кросскультурных коммуникациях сегодняшнего дня. Мультикультурные коллизии как раз и составляют основное содержание глобалистики как теории глобальных проблем. Оставаясь на естественно-научных позициях, придется признать, что объективный закон существования человека в окружающей природной среде тот же, что и закон существования живых организмов в среде обитания: выживание. Но выживание животных адаптивное, а выживание человека – адаптивно-адаптирующее, то есть человек в отличие от животных приспособливает среду обитания под свои потребности. Наука доказала, что между природным и социальным миром существует особая форма движения материи – технологическая. Первым указал на существование этого движения Ф. Энгельс в «Диалектике природы». Конечно, технологическое движение не ограничивается рамками промышленности, оно свойственно всей человеческой практике и носит глобальный характер, но суть от этого не изменилась: общество и природа всегда разрешают свойственную им коллизию через «промежуточную фазу», где специфически сливаются природное и социальное посредством технической формы материи и технологической формы движения материи. Тогда необходимо принять принципиально коррелятивным отношение «наука – техника – общество – человек». Здесь с известного времени работает эвристическая формула: если у общества появляется техническая потребность, то это продвигает науку вперед больше, чем десяток университетов. Так, успешные полеты

братьев Райт создали техническую потребность общества в самолетах и повсеместное увлечение самолетами, их постройка, облет и совершенствование двинули вперед ряд фундаментальных и прикладных наук, что в свою очередь привело к общему прогрессу авиационной техники. Та же логика управляет прогрессом других частных технологических движений. Следуя за этой проверенной временем логикой сформулируем социально-философскую проблему: «Как возможен социальный инжиниринг?» Полагаем коррелятивной связью решения проблемы формирования потребности людей в инженерной оптимизации исторического будущего человечества с проблемой преодоления кризиса идентичности глобализирующегося социального субъекта.

Степень разработанности проблемы. В данном вопросе со стороны выявления условий возможности социального инжиниринга первостепенное значение имеют соответствующие работы, например, К. Маркса, К. Поппера, М. Корнфорта, Ф. Фукуямы, В. Л. Иноземцева, М. Кастельса. Со стороны анализа возможных альтернатив преодоления современного кризиса идентичности назовем деятельность следующих теоретиков, например, А. Гидденса, Ю. Хабермаса, Н. Лумана, У. Бека, Э. Балибара, И. Валлерстайна. Коррелятивное исследование указанных выше проблем остается практически неразработанным, что делает наше исследование данной темы актуальным.

Целью статьи является анализ условий возможности фактического социального инжиниринга в деле оптимизации выживания человечества.

Изложение основного материала исследования. Прежде всего, отметим «партийный» характер влияния теоретико-мировоззренческих, метафизических оснований на особенности становление социального инжиниринга. «Партийность» есть объективно-закономерная социальная направленность всякого мировоззрения. Борьба «метафизических партий» является источником развития этой сферы духа, побеждает в конечном счете прогрессивная партия, прогрессивная тенденция.

И «социальная алхимия», и «социальная инженерия» невозможны без своей метафизики. Метафизика как рефлексия выхода за пределы любой формы бытия представляет собой наиболее общий метод формирования альтернативных концептуальных структур; метафизика была и остается эвристическим средством освоения человеком мира. Эвристика помогает нам задать общую структуру наших действий, следовательно, в известной мере прогнозировать будущие события. Основными признаками (критериями), которые обнаруживаются в любой метафизике, являются: систематическая структура, референция, абстракция. В связи с этим метафизика описывает наиболее общую схему концептуальных моделей. Очевидно, что не всякое духовное построение будет метафизической теорией и что среди последних есть хорошие и плохие. Плохая метафизика (миф и религия) имеет недостатки и в своей структуре, и в плане ее референциальности, и в абстрактности. Если принять предложенные выше критерии, то отсутствие структурной строгости или четкой референции говорит о расплывчатой метафизике, а отсутствие общности (всеобщности) указывает на узость метафизики.

Укажем также на то, что метафизические основания теорий не являются ни

истинными, ни ложными в эмпирическом смысле. Общее понятие истинности (соответствия приписывания присущности) сводят, как правило, к эмпирической истинности. Но «теория» – это множество общих, дедуктивно организованных предложений. Поэтому только приложения теории всегда лишь в какой-то степени эмпирически достоверны, а сама теория имеет дело с идеализированными объектами и может быть лишь аналитически истинна.

Российский методолог Ю. А. Петров формулирует ряд верных положений относительно аналитической истинности теорий:

- теории не просто аналитически истинны, а истинны относительно определенных упрощений и идеализаций, вводимых вербальными определениями (то есть определениями через уже известные понятия);
- теории только аналитически истинны (аналитическая истинность – это истинность в «силу значения слов»); эмпирически истинны лишь приложения теорий к материальному миру, вводимые остенсивными определениями;
- относительно теорий задаются лишь вопросы, правильный ответ на которые требует анализа скрытых, замалчиваемых предпосылок;
- теоремы теории могут доказываться с помощью и предметных и аксиоматических доказательств (путать их недопустимо);
- теория требует только вербальных определений, а приложения теорий – еще и остенсивных [1, с. 43–44].

Ученый резонно полагает, что теория будет истинной хоть тысячи лет до тех пор, пока не изменятся упрощения и идеализации, на которых она только и истинна аналитически. На иных идеализациях она будет ложна хоть через минуту. На вопрос об истинности теории ответ предполагает анализ скрытых метафизических предпосылок. Истинность теории прямо и непосредственно зависит не от мира, а от упрощений и идеализаций, принятых о мире. Об истинности теорий, об их сравнении нельзя говорить вне тех идеализаций, на которых они основаны.

Знание критериев научности позволяет отделить научную теорию от других видов знания. Французский философ XX века М. Фуко (см. «Археология знания», 1969) не безосновательно считал, что наука локализуется в поле производства не любого знания, а подчиняющегося нормам связности, проверки и практической эффективности. Любая наука имеет дело со знаками. Наука о знаках названа ее основателем Ч. С. Пирсом семиотикой. В соответствии с семиотическими концептами в существующем корпусе современных наук отчетливо выявляются три их класса – синтаксические, семантические и прагматические науки:

- синтаксические науки избегают интерпретации знаковых систем (например, математика и логика);
- семантические науки, например, физика, химия, геология;
- прагматические науки (технические и гуманитарные, например: радиотехника, самолетостроение, социология, психология) [2, с. 7–15].

В синтаксических науках решающее значение придается логической непротиворечивости теоретических конструктов. Требование логической связности конструктов остается в силе и в рамках семантических наук, но здесь используется

важнейший дополнительный критерий, а именно подтверждаемость теории экспериментальными данными. В прагматических науках критерий непротиворечивости дополняется новым требованием: теория должна быть эффективной.

Непротиворечивость теории имеет место, если в ней недопустимо принятие как предложений «А», так и «не-А» (уточним: уже Ф. Гегель убедительно показал, что логическая тавтология « $A \equiv A$ », действительно, приемлема лишь в рамках формальных систем рассудка и, по существу, не отвечает содержательному, диалектическому состоянию дел). Теория подтверждается, если ее структура изоморфна миру эмпирии, в противном случае она не подтверждается. Теория эффективна, если ее ценности удается реализовать в поступках; пальма первенства остается за той теорией, которая оказалась более эффективной – результативной, производительной.

Таким образом, решающими критериями научности знания являются «семиотические» критерии: непротиворечивая связность положений теории, подтверждаемость теории эмпирией, эффективность теории в деле достижения человеком желаемых целей.

Итак, научное знание отличается от всякого другого знания тем, что именно для него такие критерии, как непротиворечивость, подтверждаемость и эффективность, приобретают решающее значение. В любой науке в той или иной форме используются все три критерия научности, но при этом имеют место различные доминанции: в синтаксических науках – непротиворечивость; в семантических науках – подтверждаемость; в прагматических науках – эффективность. Предложенные критерии содержат в себе ортодоксальные: предметность, истинность, объективность, прогнозируемость, системность, перманентная методологическая рефлексия, верификация, инструментальность, доказательность, преемственность, фальсифицируемость.

Полагаем достаточным приведенной аргументации для демаркации социальной алхимии от социальной инженерии. Становится очевидным, что социальная алхимия опирается на религиозно-мифическую метафизику, а социальная инженерия на философско-материалистическую метафизику как науку о категориях и на «общую науку о человеке».

Гуманитарные науки, наряду с другими науками, выполняют две ключевые функции: познавательную и утилитарную. Утилитарной заняты гуманитарные технологи, гуманитарные инженеры, их цель – оптимизация гуманитарных процессов. Так, В. И. Ленин писал, что прямая задача науки, по Марксу, это – дать истинный лозунг борьбы, то есть суметь объективно представить эту борьбу как продукт определенной системы производственных отношений, суметь понять необходимость этой борьбы, ее содержание, ход и условия развития; «лозунг борьбы» нельзя дать, не изучая со всей подробностью каждую отдельную форму этой борьбы, не следя за каждым шагом ее, при ее переходе из одной формы в другую, чтобы уметь в каждый данный момент определить положение, не упуская из виду общего характера борьбы, общей цели ее – полного и окончательного уничтожения всякой

эксплуатации и всякого угнетения [3, с. 341].

Действительно, К. Маркс подчеркивал, что необходимо согласовать научную критику общественных порядков с действительной борьбой людей разных эпох и культур, показать, что человечество не начинает новой работы, а осуществляет свою старую, прокоммунистическую работу: «Мы развиваем миру новые принципы из его же собственных принципов. Мы не говорим миру: "перестань бороться; вся твоя борьба – пустяки", мы даем ему истинный лозунг борьбы. Мы только показываем миру, за что собственно он борется, а сознание – такая вещь, которую мир должен приобрести себе, хочет он этого или нет. Реформа сознания состоит только в том, чтобы дать миру уяснить себе свое собственное сознание, чтобы разбудить мир от грез о самом себе, чтобы разъяснить ему смысл его собственных действий» [4, с. 381].

А для чего разъяснить? Очевидно, что когда процесс осознан массами – дело идет быстрее, то есть история общества делает революционный скачок в своем развитии. Совпадение трех моментов, а именно обстоятельств общественной жизни, практики как чувственно-предметной деятельности и рациональности, есть революционная практика или социокультурная революция на пути к эмансипации личности от одностороннего действия исторических законов. Исторические законы-тенденции объективны, но не по отношению к самим людям, продуктом стихийной деятельности которых они выступают, а по отношению к их сознанию; осознав эти тенденции, люди могут воздействовать на них, ограничивать проявление одних и давать дорогу другим: это зависит от реального соотношения сил прогресса и реакции, творческих сил обновления мира и косных сил традиции.

Опредмечивая мир трудом, человек постигает законы, логику мира. Познанные, осознанные законы бытия становятся законами разума, логическими законами. Есть и особенная логика рефлексии форм общественной жизни. Научный анализ этих форм, как писал К. Маркс в «Капитале» [5, с. 85–86], вообще избирает путь, противоположный их действительному развитию; анализ начинается *post festum* (задним числом), то есть исходит из готовых результатов процесса развития; формы успевают уже приобрести прочность естественных форм общественной жизни, прежде чем люди сделают первую попытку дать себе отчет не в историческом характере этих форм, – последние уже, наоборот, приобрели для них характер непреложности, – а лишь в их содержании; это – общественно значимые, следовательно, объективные мыслительные формы.

Это старая история: вначале всегда из-за содержания мышления не обращают внимания на его историческую форму. Ранее на эту особенность (*post festum*) познания форм общественной жизни метафорически указал Ф. Гегель: «Сова Минервы вылетает в сумерки». Здесь главное понимать меру Марксовой формулы: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание». Эта мера лапидарно выражена К. Марксом в работе «Тезисы о Фейербахе» (1845), названной Ф. Энгельсом гениальным зародышем нового мировоззрения – мировоззрения человечества.

Так, например, пресловутый 11-й тезис К. Маркса: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» – ничего

другого не говорит теоретически развитому человеку, кроме того, что «объяснять мир» – это значит абстрагировать законы мира, в общественной сфере – законы-тенденции, например, общественно-исторические формации. С древности метафизики абстрагировали эту «формационность», а именно они понимали, что социальные субъекты ставят себе самые разные цели и используют самые разные средства для их достижения, а в результате получается еще и то, чего никто не хотел, а именно «формации», их-то и пытались идеалистически трактовать, например, религиозные идеологи – Провидением, Промыслом, то есть волей Бога, философы – действием абсолютного Закона (Дао, Дхарма, Логос). Все это есть этап апелляции к «метаисторическому кукловоду» – гипостазированным категориям-абстракциям мифа, религии, философии. В историческом материализме же вполне сознательная деятельность каждого конкретного индивида, суммируясь в общую (общественную) деятельность в процессе отчуждения, приобретает характер «исторического бессознательного», и в этом смысле люди поистине «не ведают, что творят». «Историческое бессознательное» выступает отчужденной безличной, однако объективной силой, которая детерминирует уже на свой манер поведение индивидов. Эта детерминация и есть «царство исторической необходимости» К. Маркса – формационная жизнь людей. Здесь люди несвободны, а именно подражают господствующей форме отчуждения, идентифицируют себя с ней, например, «мыслят деньгами», то есть выстраивают свое движение по форме движения этих вещей, то есть денег. И если они решат освободиться, то вынуждены будут «изменить мир», то есть преодолеть формации. Такое антиформационное асимптотическое движение и будет «царством свободы». Научно-идеологические предикаты «освобождения» описаны К. Марксом и Ф. Энгельсом в их многочисленных трудах.

Лапидарно отразим эти предикаты. Здесь уместно следующее сравнение. Как известно, критика частнособственнического общества имеет солидную историческую традицию от Платона и до К. Маркса. У обоих главный мотив – спасение культуры. Средство обоих – обобществление, коммунизация. Только у первого – обобществление собственности. Но простое, недиалектическое отрицание Платоном неразвитой частной собственности не могло вывести за пределы частной собственности. Собственность только по форме становится коммунистической. В идеальном государстве Платона явно проступили черты «казарменного коммунизма». Коммунизм же, по К. Марксу, – это только «энергетический принцип ближайшего будущего» [6, с. 127], а не цель и форма общества, скорее он есть научно-техническое средство для достижения цели – гармоничного развития каждой личности. Не выдуманный, действительный коммунизм есть не авантюрное обобществление собственности по произволу социального субъекта, а действительное обобществление труда, то есть исторически закономерное превращение частного, частного труда в труд всеобщий: «...всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение» [7, с. 116], – труд, обусловленный частью кооперации современников, частью использованием труда предшественников. Продукт всеобщего, универсального, научного труда не является частной собственностью, не есть стоимость, а непосредственно становится достоянием всего общества, то есть общественной

собственностью, следовательно, несобственностью вообще. Производство, в котором наука становится главной производительной и социально-преобразующей силой, «всеобщим условием труда», не может долго существовать и развиваться по законам экономики. Научное знание не может быть объектом частной собственности. Наука является общественной собственностью, а это уже не экономическая категория, а категория культуры как меры человеческого в человеке. О чем-то таком уже догадывался Наполеон Бонапарт, утверждая, что пушка убила феодализм, а «чернила» убьют нынешний общественный строй – капитализм. Речь идет о исторически новой социокультурной революции, направленной не против собственности частной монополии, а против монополии частной собственности.

Итак, задача науки – дать человечеству истинный лозунг борьбы. Вот этот лозунг: «Логически неизбежное превращение капитализма в глобальный коммунизм вследствие объективной тенденции обобществления, "онаучивания" труда». Этот лозунг отражает фактическую историческую миссию наемных работников физического и умственного труда – пролетариата – по обобществлению культурных ресурсов человечества. К этому приводит логика функционирования крупной промышленности при капитализме. В «Капитале» К. Маркс показал, что сущность крупной промышленности обуславливает всестороннюю подвижность пролетариата, что сама крупная промышленность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности наемных работников, всеобщим законом общественного производства, к нормальному осуществлению которого должны быть приспособлены отношения. Наукоемкий и автоматизированный характер производства – постиндустрия, идущая на смену промышленности (индустрии), только углубляет коммунитаризацию производительных сил [5, с. 498–499].

Разносторонняя развитость человеческих индивидов есть предпосылка социальной инженерии. Цель инженерного труда – оптимизация любых процессов, социальных в том числе. Реально оптимизировать можно только действительные процессы (в обществе это – исторические тенденции). Это значит признавать эти тенденции. Так, например, Маркс-как-ученый открыл для капиталистической формации насущную социально-значимую потребность обобществления средств производства (характер производства стал общественным, осталось взаимоднозначно согласовать с ним систему общественных отношений). Поэтому Маркс-как-инженер и сформулировал научно-технологическую задачу: познать закон объективного движения обобществления человечества и создать оптимальные условия для его проявления.

Но есть в этом деле одна трудность, а именно: у прогнозируемых объектов, типичных для общественных наук, интенсивность взаимосвязи предвидения и управления может быть настолько высокой, что прогноз способен видоизменить ожидаемое состояние благодаря принятию управленческих решений (подробнее см., например, [8, с. 480–494]). Здесь решение как бы перечеркивает прогноз, приводит к его «самоосуществлению» или, напротив, к «саморазрушению» («эффект Эдипа»). Это заставляет ориентировать прогноз явлений и процессов социокультурной сферы,

поддающихся управлению, не на профетизм, предугадывание будущего, а на повышение уровня объективности и, следовательно, эффективности намечаемого или принимаемого решения. Очевидно, что эта схематика не учитывает так называемые исторические случайности.

Попытки уберечь общество от будущих негативных для него случайностей предпринимались с древности. Сама проблема будущей случайности вызвала бурную дискуссию вследствие ее непосредственной связи с вопросами свободы воли и фатализма. Тезис фатализма утверждает, что ни один человек не имеет свободы воли и все в мире происходит по необходимости. Такое понимание фатализма в наше время получило название логического фатализма или логического детерминизма, если под последним понимается логическая предопределенность всех событий. Выяснение особенностей коллизии свободы и необходимости дает понимание возможности социального инжиниринга.

Аристотелю приписывается выражение «принуждение самой истиной» по поводу его же тезиса бинарной, двузначной логики: «Если истинно, то необходимо» [9, с. 91–116]. Такое аристотелевское принуждение истиной для теоретически развитых людей понимается как принуждение только в рамках философского спора. Но так называемая субъективистская партийность философии, например, политизация философии, делает поиск истины ненужным и даже преступным. Невежественные в философской спекуляции, но заполитизированные люди переносят «принуждение истиной в споре» на общественно-историческую практику. Тогда в условиях тоталитарного режима «истина о будущем» делает будущее фатальным. Тоталитаризм абсолютизирует и реифицирует гегелевский принцип «все разумное – действительно» и исходит из него. Провозглашенная истинность догматов о будущем в таком случае является необходимым и достаточным условием наступления этого будущего. Тоталитарные средства принуждения «такой истине» известны.

Гипостазирование истории, истории как априорной тотальной схемы связывает истины о будущем с истинами о прошлом (как и наоборот). «Дух тоталитаризма» способен изменить истины прошлого в угоду априорным истинам будущего. Прошлое подгоняется под будущее. А иметь власть над прошлым – значит иметь власть над настоящим. Сформулируем расширенный принцип тоталитаризма: «Кто управляет будущим – тот управляет прошлым, кто управляет прошлым – тот управляет настоящим». В этом видим хитрую логику власти тоталитарного дискурса.

Радикальный путь опровержения фаталистических аргументов, а именно проведение логической асимметрии времени, предложил средневековый английский философ У. Оккам. В современной интерпретации его мнение таково: структура времени представима в виде «топологического дерева» таким образом, что время линейно в прошлое и ветвится в будущее; тогда будущее развитие мира имеет альтернативы, и в общем случае имеется бесконечное множество альтернатив; нельзя в принципе прогнозировать и тем более запрограммировать такое множество исходов, а только можно выбрать некоторые линии развития, отдавая себе отчет, что это только возможность, а не необходимость; в этом (хорошем) смысле будущее как бы случайно [10, с. 103].

Линейность прошлого и нелинейность будущего является отличительной чертой современной синергетической методологии. Прошлое – линейно, замкнуто, неизменяемо. Будущее – ветвится и открыто альтернативам. Но речь идет о возможных альтернативах, следовательно, осознаваемых. Осознание ведет к ответственности за выбор будущей альтернативы. Абсолютизация тезиса «случайности» будущего ведет к цепи Термидоров. Есть только один способ, подрывающий тоталитаризм, – открыть истинное о прошлом и быть предельно свободным, следовательно, ответственным с истинами о будущем.

И в этом смысле не надо бояться известной телеологической составляющей социально-исторических теорий. Открытие вариационных принципов показало, что «телеологическая» трактовка различных движений содержательна и корректна. «Цель» (тренд) движений состоит в экстремизации функционала действия. Так, авторитетная гегелевская трактовка «цели» истории может быть интерпретирована вариационным принципом «максимизации свободы» (см. его «Лекции по истории философии», 1837), свободы как осознанной внутренней необходимости. Свобода и определяет функционал, который максимизируется в ходе исторических процессов [11, с. 96–97].

Но недостаточно, чтобы мысль стремилась к действительности, необходимо, чтобы действительность также стремилась к мысли. Этот тезис указывает на необходимость формирования потребности общества в социальном инжиниринге. Так, до сих пор множество личностей, наполняющих общество, желают сохранить свою особенность, то есть они желают остаться тем, чем они есть, – объектом истории, в то же время требуя от общества прогрессивных, креативных изменений. Действительно, «Я», идентифицируя себя с «Другим», начинает ему подражать, а значит, агонизировать и вырождать свой креативный, революционный потенциал, так как идентификация «Я» с «Другим» редуцируется к аутентичности исторической традиции («традиции всех мертвых поколений тяготеют как кошмар над умами живых»). Невежественность множества людей в проблеме идентичности не позволяет им относиться к последней как полезной метафоре. Поэтому их революционность пронизана произволом, а не свободой. Они говорят «свобода», а подразумевают «произвол». Для понимания «произвольности» действий людей важно не направить проблему в психологическое русло. Эмансипация личности не дело мысли, а дело истории.

В конце концов, метод истории, историзм является не тем, что ему приписывают апологеты и критики так называемой «модели охватывающих законов». Нет ни «Метаисторического Кукловода» теологов, ни «Абсолютного Закона» философов-идеалистов, хотя исторические законы есть. Характер этих законов не динамический, а статистический. Законы эти – исторические тенденции. Здесь необходимость выступает в форме потребности. Вообще существуют, бытийствуют, действуют не Абсолютные Законы, управляющие всеми процессами, совершающимися в природе, обществе и познании, а конкретные законы, управляющие различными сферами природы, общества и познания. «Абсолютные Законы», «Охватывающие Законы» – категории – представляют собой лишь научные абстракции, необходимые

теоретическому мышлению, но не образующие конкретного содержания процесса практического овладения законами природы, общества и познания. Адекватное оперирование категориями означает культуру теоретического мышления.

Но на рынке труда «метод истории» надевает изменчивые маски, и разглядеть подделку может не каждый. Так, например, согласно социальному философу и антикоммунисту XX века К. Попперу, настоящий сторонник социальной инженерии не задает вопросов об исторических тенденциях [12, с. 53]. Марксов историзм К. Поппер назвал историцизмом, подразумевая под последним социально-философскую доктрину, согласно которой общество должно развиваться в соответствии с законами истории, а не с нашими рациональными планами [12, с. 207]. Ученый подчеркивал, что никакого предопределения нет: история открыта в будущее, а не совершается по законам «железной необходимости», существующим помимо воли человека. Вольно разъясняя разницу между законом и тенденцией, философ утверждал, что историцист твердо верит в свою излюбленную тенденцию и условия, при которых она могла бы исчезнуть, для него немислимы [13, с. 42].

Метод же К. Маркса – историзм – подразумевает открытие исторических тенденций и сознательное изменение условий их протекания, следовательно, ускорение или замедление хода истории. В этом видится научно-технический эффект современного социального знания в целом. Однако это не все. Партийный характер социального знания задает направление его прагматики. Так, К. Поппер со товарищи предлагали так называемую «постепенную социальную инженерию» как средство спасения капитализма путем его реформирования. Их инженерия призвала к изменениям, которые бы принципиально ничего не меняли, по сути, предлагалось «по-новому продолжать жить по-старому, то есть по-капиталистически». Марксова прагматика известна – оптимизация ускорения процесса глобальной коммунитаризации.

Как язвительно заявлял английский философ-марксист XX века М. Корнфорт, появление попперовской «постепенной социальной инженерии» – это лишь частный случай современного проявления классовой борьбы между капиталом и трудом, управляемой законами не механики, а классовой борьбы [14, с. 306]. Даже апологету К. Поппера в вопросе методологии социального знания Дж. Соросу не нравится термин «постепенности», так как существуют моменты, когда постепенных изменений оказывается недостаточно [15, с. 246]. М. Корнфорт полагает, что выражение «социальная инженерия» употребляется К. Поппером неадекватно: «Те, к кому д-р Поппер его применяет, если они вообще могут быть названы "инженерами", во всяком случае, удивительно наивны по части научной теории, они подобны тем инженерам, которые, пустив в ход несколько колес, думают, что овладели тайной вечного двигателя. И если можно придать какой-то смысл этому выражению, то лишь политика объединенного пролетарского движения, направленная на осуществление и на "смягчение родовых мук" нового общественного строя, заслуживает того, чтобы называться "социальной инженерией"» [14, с. 310].

Полагаем главным в открытии К. Маркса является «закон соответствия», а именно производственные отношения должны соответствовать производительным

силам общества. Это «должны» не позволяет нам освободиться от мучительной обязанности участвовать в этом процессе и оптимизировать его: «общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития, не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами, но оно может сократить и смягчить муки родов». Ускорить этот процесс и сделать его менее мучительным и призвана социальная инженерия.

И последнее. Наша попытка обоснования условий генезиса, становления и укоренения социального инжиниринга в народных массах как их потребности в научно-техническом способе адаптации не может не коснуться приведенной в начале статьи эвристической формулы: если у общества появляется техническая потребность, то это продвигает науку вперед больше, чем десяток университетов. Движение просвещения народов делает свое историческое дело – обмирщает знание о морали, праве, философии, науке и других формах общественного сознания. Это есть революционная практика, ведущая к прогрессу взаимосвязи, взаиморазвития социальной инженерии и теории социальных технологий – «науки о закономерностях технологизации социума в целях его более эффективной и рациональной социализации для включения социальных субъектов в освоение ценностей мировой культуры, а также о динамике социальных форм, создаваемых людьми для разрешения сущностного противоречия между «взаимо-» и «самореализацией» и создания благоприятных условий своей жизнедеятельности в экодialogе человека и природы» [8, с. 86]. А это есть путь к «общей науке о человеке», о которой уже грезил Д. Юм и которую разрабатывали К. Маркс, И. Т. Фролов и Э. Фромм. Такое научное осознание столбовой, прокоммунистической дороги развития человечества закрепляется муками совести, которые возникают, когда субъективные желания человека восстают против объективных воззрений его собственного ума. Эту необходимую связь научного и морального сознаний лапидарно выразил К. Маркс: «Мы твердо убеждены, что по-настоящему опасны не практические опыты, а теоретическое обоснование коммунистических идей; ведь на практические опыты, если они будут массовыми, могут ответить пушками, как только они станут опасными; идеи же, которые овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения и к которым разум приковывает нашу совесть, это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца, это демоны, которых человек может победить, лишь подчинившись им» [16, с. 118]. Речь идет о научном гуманизме – сознании сущностной общности всех без исключения народов, населяющих нашу планету, совестливом сознании, независимом от каких бы то ни было идеологических предпочтений, сознании, которое со временем, несомненно, станет атрибутом человечества.

Выводы. Попытки сознательного неантагонистического переустройства общества предпринимались с древности. До известного времени это были философские сентенции, благие пожелания человечеству. Постепенно пришло осознание того, что недостаточно, чтобы мысль стремилась к воплощению в действительность, сама действительность должна стремиться к мысли, а именно у общества должна возникнуть потребность в собственном неантагонистическом

переустройстве. Современная экстраординарная борьба множества мнений в проблемном поле так называемой критической теории общества наводит на мысль, что время естественно-исторического, формационного этапа в развитии человечества, по-видимому, прошло. Движение просвещения подключает к сознательному коммунистическому творчеству все больше людских ресурсов. Это движение обобществления ценностей мировой культуры создает новые условия свободы индивидов в отношении общественных структур. Люди становятся способными рефлексивно созидать не только себя, но и общество. Социальное не исчезает, но становится подверженным влиянию свободной рефлексивности, если под свободой подразумевать «осознанную внутреннюю необходимость» и действия в соответствии с ней. Миссия свободного человека – давать простор развитию производительных сил, среди которых главная – человек. Тогда долгом такой свободной личности становится борьба за свободу других людей. Для свободной личности возможен выбор социального контекста, а именно какие социальные отношения культивировать, а какие нет. История открыта в будущее личностям, для которых свобода становится необходимостью.

Литература:

1. Петров Ю. А. Предмет теории // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 1999. – № 1.
2. Канке В. А. Этика ответственности. Теория морали будущего. – М., 2003.
3. Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Полное собрание сочинений. – Изд. 5-е. – Т. 1. – М., 1975.
4. Маркс к Руге (сентябрь 1843 г.) // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. – Изд. 2-е. – Т. 1. – М., 1955.
5. Маркс К. Капитал. – Т. 1 // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. – Изд. 2-е. – Т. 23. – М., 1960.
6. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. – Изд. 2-е. – Т. 42. – М., 1974.
7. Маркс К. Капитал. – Т. 3 // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. – Изд. 2-е. – Т. 25, Ч. I. – М., 1961.
8. Сурмин Ю. П., Туленков Н. В. Теория социальных технологий. – К., 2004.
9. Аристотель. Об истолковании // Сочинения в 4-х т. – Т. 2. – М., 1978.
10. Карпенко А. С. Фатализм и случайность будущего: Логический анализ. – М., 1990.
11. Катица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. – 2-е изд. – М., 2001.
12. Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2-х т. – Т. 1.: Чары Платона. – М., 1992.
13. Поппер К. Нищета историцизма // Вопросы философии. – 1992. – № 10.
14. Корнфорт М. Открытая философия и открытое общество. Ответ доктору Карлу Попперу на его опровержение марксизма: Пер. с англ.; Вступ. статья и общ. ред. проф. И. С. Нарского. – М., 1972.
15. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности: Пер. с англ. – М., 1999.
16. Маркс К. Коммунизм и аугсбургская «Allgemeine Zeitung» // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. – Изд. 2-е. – Т. 1. – М., 1955.